

Илья Лурье

Хасидский двор в Любавичах и движение Хабад

Хасидизм Хабад (аббревиатура трех слов: *хохма* – мудрость, *бина* – разум, *даат* – знание) сформировался как религиозное течение, с самого своего начала обладавшее особым идейным и общественным характером. Идеологические основы Хабада, отличавшие его от других течений в хасидизме, были заложены еще в конце XVIII века р. Шнеуром-Залманом (1745–1812) – выдающимся учеником одного из первых хасидских цадиков Белоруссии, р. Менахема Менделя из Витебска (общий обзор учения Хабада с момента основания движения и до сегодняшнего дня см. [Schwartz 2011]). В своих проповедях и в наиболее популярном своем сочинении «Сефер ха-Тания» (опубл. в 1796 г.) р. Шнеур-Залман предписывал особый путь служения Всевышнему и в дальнейшем прилагал специальные усилия для того, чтобы этот путь был принят его многочисленными адептами. Одновременно с разработкой и пропагандой нового учения р. Шнеур-Залман способствовал институционализации контактов между хасидами и их предводителем (*цадиком*), которые на первом этапе истории хасидизма были достаточно

спонтанными. В этом процессе, продолжавшемся и после смерти р. Шнеура-Залмана, важную роль сыграли сформулированные им принципы организации хасидского сообщества и хасидского ритуала. Особенное значение р. Шнеур-Залман придавал регулированию паломничества хасидов ко двору цадика и развитию механизмов самоуправления в хасидских сообществах на местах (этим и другим аспектам деятельности основателя хасидизма Хабад посвящено фундаментальное исследование израильского историка Имануэля Эткеса [Etkes 2011]).

Однако слаженная система управления, созданная р. Шнеуром-Залманом, рухнула в результате вторжения Наполеона в Российскую империю. Война 1812 года нанесла тяжелый ущерб населению северо-западной части России – как раз тому региону, где возник и получил распространение хасидизм Хабад. Многие города и местечки были разорены, а экономическая деятельность, в которой участвовало еврейское население, полностью замерла. Семья р. Шнеура-Залмана во время войны понесла серьезные убытки и обеднела. Сам

תאר פני סגור אדמונד הרב חזקוני המלמד אור עולם נור יצחקל קרויס א מבורח מיה שני אור זלמן בחרם מוח ברוך נבצמו זיע בעל המחבר ספר התניא והשוע ותלמידיה
COPYRIGHT BY NATHANIEL CHASIN
1924 WASHINGTON, D.C.

Натаниэль Хазин. Портрет Рабби Шнеура Залмана. Вашингтон. 1924 г. Бумага, литография. 62,5 x 48,2. Иврит. Портрет выполнен в технике микрографии и составлен из текстов книги «Тания», одного из самых известных сочинений Шнеура-Залмана (из коллекции Музея истории евреев в России)

цадик, открыто провозгласивший себя сторонником российской власти, бежал вместе с семьей из местечка Ляды, где располагался его двор, во внутренние губернии России, и связь между ним и его последователями прервалась (подробное описание бегства р. Шнеура-Залмана по свидетельствам современников и более поздним источникам см. в исследовании Йехошуа Мондшайна [Mondshayn 2013]). Более того, после его смерти (15 декабря 1812 года) – вдали от центров Хабада, за пределами черты оседлости, в деревне под Курском – началась ожесточенная борьба за руководство движением между его сыном р. Дов-Бером и наиболее выдающимся его учеником р. Аароном ха-Леви из Староселья. Эта борьба привела к расколу движения, который не удавалось преодолеть в течение нескольких десятилетий (о противостоянии между р. Аароном ха-Леви и р. Дов-Бером, которое началось, по-видимому, незадолго до смерти р. Шнеура-Залмана, см. [Heilmann 1903; Elior 1980; Etkes 2011]).

В этих драматических обстоятельствах, когда само существование Хабада как единого хасидского течения было под угрозой, сын р. Шнеура-Залмана Дов-Бер Шнеерсон (1773–1827) решил поселиться в местечке Любавичи Могилевской губернии и основать там новый центр движения. У этого решения было, по-видимому, несколько веских причин. Когда армия Наполеона была изгнана из России, семье р. Шнеура-Залмана пришлось искать себе новое место жительства: оказалось, что принадлежавшие ей дома в Лядах сгорели, а на их месте уже построены новые дома (см. послание р. Дов-Бера, написанное в 1813 году [Dov-Ber 1980, 235; Heilmann 1903, 4]). Лето 1813 года р. Дов-Бер провел в разъездах между разными еврейскими местечками Белоруссии, чтобы восстановить связи между семьей цадика и его адептами и воспрепятствовать усилению своего противника р. Аарона [Heilmann 1903, 4, 52]. Очевидно, что боязнь потерять поддержку последователей отца и утратить контроль над большинством общин Хабада заставила р. Дов-Бера сделать выбор в пользу общины, которая традиционно обладала большим влиянием в хасидской среде и была расположена рядом с другими важными центрами Хабада. Местечко Любавичи отвечало этим критериям: оно располагалось между двумя прежними цент-

рами Хабада – Лиозно и Лядами, и некоторые его жители были влиятельными фигурами в хасидском движении еще при жизни р. Шнеура-Залмана [Heilmann 1903, 148]. Недалеко от Любавичей находились и другие важные общины Хабада – в Витебске, Дубровно, Шклове, Дрибине, Лепеле и Яновичах.

Кроме того, решение основать новый двор цадика именно в Любавичах было продиктовано и внешними причинами. Первый историограф Хабада Хаим Меир Хейльман в своей работе «Дом Ребе» приводит свидетельство, согласно которому р. Дов-Бер «обосновался в городе Любавич, потому что владетель города послал к нему гонца, прося, чтобы тот [р. Дов-Бер] поселился именно в его городе» [Heilmann 1903, 4]. Любавичами в то время владел Ксаверий Кроер – внук князя Ксаверия Любомирского. Он вел отчаянную борьбу за сохранение городом статуса торгового центра, где ежегодно проводится престижная крещенская ярмарка. Таким образом, возможно, что приглашая р. Дов-Бера поселиться в Любавичах, он пытался повысить статус города в глазах евреев и привлечь в него купцов и деловых людей (более подробно об отношениях между Ксаверием Любомирским и его наследниками и евреями см. [Lurie 2006, 2–5]). Ситуация, когда помещик приглашает цадика поселиться в своих владениях, была достаточно распространенной: к цадикам приезжали многочисленные посетители, что обеспечивало приток денег и в конечном итоге экономическое процветание региона (см., например, статью «Цадики на Воьлини» [ВГВ 1867, 317], а также монографию Давида Ассафа о р. Исраэле из Ружина [Asaf 1997, 223]). Об участии Кроера в основании хасидского двора в Любавичах может свидетельствовать также тот факт, что двор был построен на земле, которую князь лично сдал в аренду р. Дов-Беру [Dov-Ber 1980, 44]. Расположение двора в местечке, где проходила ярмарка, могло также усилить влияние двора на окрестных евреев, приезжающих в Любавичи по своим делам: связь между паломничеством и торговлей, разворачивающейся в паломнических центрах, хорошо известна религиоведам. Интенсивная экономическая жизнь в святых местах нередко поддерживалась местными религиозными лидерами и использовалась ими как для усиления

собственного экономического благополучия, так и для повышения притягательности места [Sumption 1975, 211–212]. Можно предположить, что в ситуации борьбы за поддержку хасидов, которую вел р. Дов-Бер против р. Аарона из Староселья, экономический статус Любавичей играл особую роль.

Так или иначе, в конце лета 1813 года Любавичи стали центром хасидизма Хабад и местом проживания династии, основанной р. Шнеуром-Залманом. Этот статус местечко сохраняло вплоть до Первой мировой войны, и, несмотря на взлеты и падения, которые переживал Хабад, несмотря на внутренние конфликты и расколы, название «Любавичи» стало в еврейском сознании синонимом понятию «Хабад».

Под руководством р. Дов-Бера (1773–1827) и – в еще большей степени – в течение почти сорокалетнего правления его зятя р. Менахема Менделя (1789–1866), внука р. Шнеура-Залмана¹, хасидизм Хабад переживал период бурного развития. Особое влияние движение приобрело в Белоруссии (в Могилевской, Витебской и Минской губерниях), Украине (в Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниях) и в Новороссии (в Екатеринославской, Николаевской и Херсонской губерниях). Столь широкая географическая экспансия Хабада, беспрецедентная среди хасидских движений того времени, обуславливалась в значительной степени внутренней миграцией евреев Российской империи в XIX веке из северо-западных губерний, где зародился Хабад, в юго-восточные районы черты оседлости. Однако можно предположить, что немалую роль в распространении Хабада сыграли и определенные особенности самого движения: наличие оформившегося литературного канона, который позволял неопитам познакомиться с учением Хабада и присоединиться к движению, даже не вступая в контакт с его лидерами, а также эффективная централизованная система управления, действовавшая по всему ареалу распространения хабадских общин.

Эта система управления основывалась на общих принципах, заложенных руководством дви-

жения еще в первые десятилетия его существования. Однако наибольшего своего развития она достигла благодаря целенаправленным усилиям р. Менахема Менделя, превратившего ее к середине XIX века в упорядоченную административную структуру с разветвленной иерархией. В этой структуре можно выделить три руководящих уровня, обладающих различным статусом: сыновья цадика, специальные посланники рабби и местное руководство. Деятельность сыновей цадика разворачивалась главным образом в Любавичах, где они участвовали в основных ритуалах двора и осуществляли непосредственный контакт с массой паломников. Вместе с тем, являясь в какой-то степени носителями харизмы своего отца, они могли служить своего рода заменой цадика, разъезжая по городам и местечкам, принимая хасидов на местах и укрепляя, таким образом, непосредственную связь двора с удаленными общинами. Значительно более частым явлением в периферийных общинах был проезд специальных посланников рабби. Как правило, цель их приезда состояла в распространении учения Хабад: они повторяли перед местными хасидами проповеди цадика, разъясняли непонятные пассажи и способствовали идейной и организационной консолидации хасидских общин. В их функции входил также регулярный сбор пожертвований на нужды двора в Любавичах. Местное хасидское руководство – раввины, проповедники или уполномоченные по сбору пожертвований на различные нужды двора – как правило, назначались двором и действовали в тесном контакте с ним (подробный анализ функционирования различных уровней администрации движения Хабад в эпоху р. Менахема Менделя см. [Lurie 2006, 42–60; Лурье 2004, 51–68]).

Сложность и многоуровневое устройство этой системы управления давало двору значительный контроль над внутренней жизнью хабадских общин на периферии и сообщало всему движению устойчивую организационную базу. О силе и влиянии Хабада в конце первой половины XIX века свидетельствуют два факта. С одной стороны, это склонность властей рассматривать тогдашнего руководителя Хабада – р. Менахема Менделя – в качестве полномочного представителя всех хасидских течений, что проявилось в попытке пра-

¹ Известен также как Цемах Цедек, по названию своего главного галахического компендиума. Унаследовал руководство движением в 1828 году.

вительства мобилизовать цадика для осуществления реформы еврейской системы образования в России (об участии р. Менахема Менделя в программе «казенного просвещения» см. подробнее [Lurie 2006, 62–78]). С другой стороны, это тот факт, что еврейские просветители воспринимали Хабад и его руководителей как наиболее опасную ретроградную силу в еврейском обществе. В статье, которая вышла в 1876 году на страницах просветительского журнала «ха-Шахар» («Рассвет»), Хабад ретроспективно представлен как течение, являющееся последним оплотом сопротивления просвещению и модернизации:

Из всех хасидских сект только одна имела в нашей стране долгую историю. Не потеряла она ни жизненной силы, ни влияния. Это секта «Хабад», цадики которой всегда отличались знанием религиозного закона и каббалы. Они и стали камнем преткновения на пути просвещения нашего народа. Пользуясь мощью своего влияния, они вредили – открыто и втайне. И везде, где были сильны цадики Хабада, до сего дня чувствуется тяжкое бремя невежества, связанного с их деятельностью; и почти во всех белорусских губерниях и городах, бывших под властью цадиков Хабада, уровень просвещения сынов нашего народа был изрядно ниже, чем в городах Литвы и Вольни... Еще в наши дни во главе Хабада стоял р. Менахем-Мендл, который, как и все его предшественники, был одновременно каббалистом и сумасшедшим, поэтому хасидская секта просуществовала дольше, чем остальные секты, и потому принесла она больше вреда, чем остальные хасидские течения. [Bernstein 1876, 697]

Формирование в Хабаде устойчивой централизованной структуры управления имело свои экономические последствия. Существование двора цадика как над-общинной инстанции, которая удовлетворяет социальные и культовые потребности хасидов, требовало больших расходов. Поэтому в XIX веке двор постепенно трансформировался в современную экономическую институцию, обладающую упорядоченными механизмами сбора налогов и планирования доходов, расходов и вложений. Идеино экономика двора основывалась на каббалистическом понятии *пидьон нефеш* –

‘искупление души’, добровольное пожертвование цадику. Этому понятию в хасидском сознании приписывался глубокий мистический смысл. На первых этапах развития хасидизма пожертвование было непосредственно связано с ритуалами двора, но по мере развития и географического распространения движения появлялись новые, более эффективные, способы передачи пожертвований двору². Система сбора налогов в Хабаде появилась еще во время р. Шнеура-Залмана. Ее организационной основой были местные молитвенные сообщества (*миньяны*) Хабада – первичные общественные ячейки, при помощи которых р. Шнеур-Залман управлял своими адептами и над которыми надзираал. В каждом миньяне были списки членов общины, где отмечалось, какую долю внес каждый человек в общую сумму, переданную во двор цадика. Пожертвования собирал посланник, уполномоченный специальным письмом за подписью цадика: раз в год (а также в особых случаях, требовавших от двора дополнительных расходов) он объезжал общины и собирал деньги по этим спискам. Ответственность за уплату налога возлагалась на миньян целиком, миньян был обязан покрыть доли тех, кто отсутствовал на момент визита сборщика в общину, а потом взыскивал с них эти задолженности [Dov-Ber 1980, 43–44, 50–52, 65, 95]. Описанный механизм был основой существования двора, и от исправности его работы зависела жизнь семьи цадика. Это подтверждается письмом, которое р. Дов-Бер разослал своим приверженцам сразу после того, как поселился в Любавичах. В письме говорилось прежде всего о необходимости возобновления экономических связей с хасидскими общинами и регулярной отправки годовой подати семье цадика. Р. Дов-Бер стремился предотвратить возможные перебои в поступлении денег от хасидов, которые могли бы возникнуть из-за смены руководства после кончины р. Шнеура-Залмана и последовавшего за ней конфликта с р. Аароном

² Об эволюции понятия *пидьон* в хасидизме см. [Pedaуа 1995, 311–375]. Типологический анализ экономики двора см. в работах Давида Асафа и Исраэля Барталя [Asaf 1997, 338–418; Asaf 1998, 14–50; Bartal 1995, 375–386]. О «выкупе» в Хабаде во время р. Шнеура-Залмана см. [Etkes 2011, 67–70].

из Староселья (см. послание р. Дов-Бера своим адептам: [Dov-Ber 1982, 273–274]). Чтобы денежная поддержка поступала бесперебойно, р. Дов-Бер разработал более эффективную систему сборов, основанную на недельных пожертвованиях, которые взимались главами миньянов с хасидов. Он не был изобретателем этой системы: она была просто скопирована с системы сбора общинных налогов, принятой в Восточной Европе в то время (см. [Hundert 1992, 97; Левитац 2013, 220–226]). Помимо этого цадик придумал дополнительный стимул: он пообещал хасидам, что его посланники запишут их имена в специальную книгу, «чтобы было начертано в моем сердце на добрую память имя всякого, кто подает во имя правды и веры» (см. послание 1824 года: [Dov-Ber 1986, 187–189]).

Такая непосредственная связь между цадиком и его хасидами ослабевала по мере распространения движения. И действительно, среди посланий р. Менахема Менделя, наследника р. Дов-Бера, мы не найдем больше личных обращений цадика к хасидам за денежной поддержкой через посланников. Возможно, старую систему, уже неработоспособную, сменил иерархичный централизованный механизм. Экономические связи, которые были созданы в предшествующую эпоху, исправно действовали, и уже не было необходимости в личном вмешательстве цадика. Работа по сбору производилась его посланниками или проповедниками. Изменения произошли и в функции и статусе посланников: они приезжали в каждую общину раз в месяц и кроме сбора денег занимались произнесением проповедей и распространением учения цадика среди широкой публики. Эти сферы их деятельности были тесно связаны: принадлежность каждого хасида к движению выражалась как в восприятии им учения Хабад, так и в пожертвованиях. Кроме того, контакт с посланниками удовлетворял потребность хасидов участвовать в духовной и общественной деятельности двора, не покидая своей общины. Географический охват служения того или иного посланника регламентировался лично цадиком. По свидетельству Пейсаха Рудермана, публициста и писателя, который в молодости был хасидом р. Менахема Менделя, «[Цадик] разделил свои владения на шесть частей и в каждой части назначил своего наместника и по совместительству проповедника. В установ-

ленные сроки они объезжали свои территории, произносили проповеди, рассказывали о величии своего цадика и собирали с каждого прихожанина годичный “выкуп”» [Ruderman 1876, 103]. Во времена р. Менахема Менделя изменился и порядок сбора еженедельных пожертвований: поскольку в самих общинах не было сборщиков, он принял форму традиционного сбора денег на вне-общинные цели (как, например, сбор пожертвований для поддержки еврейских бедняков в Палестине). Повсеместно в домах хасидов устанавливались кассы для пожертвований («кружки»), из которых забирали деньги посланники цадика (об этом способе сбора денег на над-общинные цели см.: [Stampfer 1982, 89–102]). Тем не менее продолжала существовать и традиционная хасидская форма поддержки цадика – разовые пожертвования (особенно богатых хасидов) при посещении двора, хотя в Хабаде, в отличие от других хасидских течений, она не была институционализована [Deinard 1920, 4–5; Ruderman 1876, 103]³. Разовые пожертвования собирались и сыновьями цадика, когда они объезжали общины.

В особых случаях, когда двор инициировал те или иные социальные или политические действия «на благо еврейского народа», которые требовали дополнительных денежных средств, руководство посылало специального уполномоченного для сбора пожертвований в общинах. Таким уполномоченным мог быть авторитетный лидер среднего звена, пользующийся особым доверием двора, как, например, паричский раввин р. Гиллель (в 1850-е, во время борьбы двора против «ученого еврея» при белорусском генерал-губернаторстве Моше Берлина) или раввин Хорола р. Авраам Мадиевский (во время работы раввинской комиссии 1861 года)⁴. Иногда для этих целей двор использовал другую известную технику, которую допускает Галаха: объявление общественных постов, от которых можно было освободиться, заплатив

³ Об институализации *пидьон* в украинских и галицийских дворах см. [Asaf 1997, 391–401].

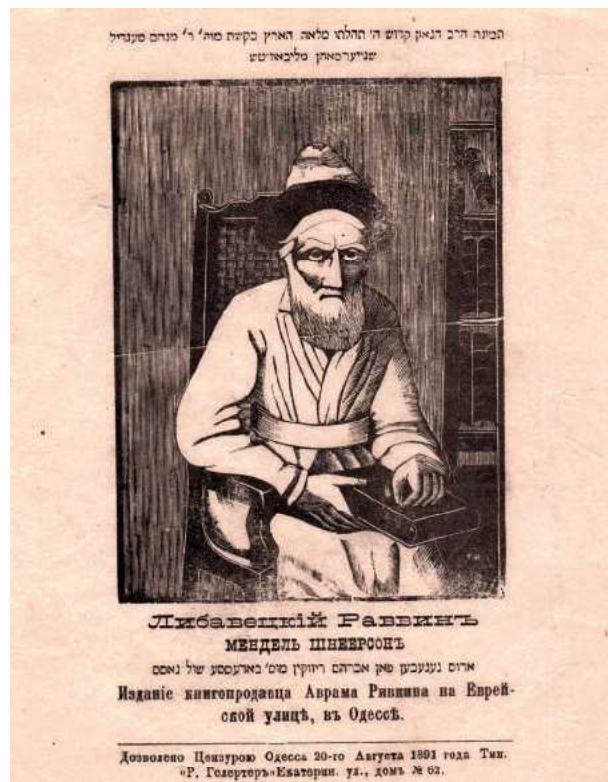
⁴ О Гиллеле из Паричей, влиятельном хабадском раввине и приближенном р. Менахема Менделя, см. [Lurie 2006, 56–58]; об истории с М. Берлином см. [Lurie, Zeltser 1997, 32–64]; о р. Аврааме Мадиевском и его участии в раввинской комиссии см. [Lurie 2006, 91–93].

определенную сумму, равную расходам на питание во время поста⁵.

Постоянный приток наличных денег ко двору – в виде еженедельной подати или разовых пожертвований – способствовал экономическому расцвету местечка, в котором находился двор. Как показал израильский исследователь Исраэль Барталь, деньги, полученные двором, вкладывались затем в разные экономические предприятия [Bartal 1995, 383]. Семья цадика не оставалась в стороне от экономической деятельности, происходящей за пределами двора. Наиболее частой формой инвестиций семьи было партнерство в предпринимательской деятельности богатых хасидов. Занимаясь руководством общины, находясь далеко от делового мира и обладая особым статусом, члены семьи цадика обычно не могли активно вести экономические дела, однако они предоставляли заемный капитал для деловых людей и получали свою прибыль [Lurie 2006, 37–38]. С определенной точки зрения, экономическая деятельность двора сопоставима с финансовой деятельностью таких традиционных институтов, как кагал: через него также проходил большой поток наличных денег [Bartal 1995, 383; Hundert 1992, 108]. Как и эти институты, двор цадииков был важным источником кредита, а также местом сборов денег на надобщинные нужды (самым важным из них был сбор пожертвований для еврейских общин Палестины). Двор также выполнял некоторые банковские функции: принимал на хранение наличные деньги и долговые бумаги (об этом см. [Katsnelson 1947, 88]; об экономической деятельности черномыльского двора см. [Sagiv 1914, 91–94]).

С течением времени деятельность двора модернизировалась. Уже сын р. Менахема Менделя,

⁵ Такие посты были трижды объявлены в 1881 году и в начале 1882-го р. Шмуэлем, наследником р. Менахема Менделя, видимо, с целью собрать средства для помощи пострадавшим от погромов. См. полицейский рапорт из Витебска [ГАРФ, ф. 542, оп. 1, д. 175]. Подобная практика существовала в общинах Восточной Европы еще до появления хасидизма. Она представляла собой важное средство сбора денег кагалом, разрешенное га-лахой. См. [Левитац 2013, 226]. Тот факт, что эта практика стала использоваться двором цадика, свидетельствует о том, что хасидское руководство присвоило себе полномочия, которыми раньше пользовался кагал.

«Либавецкий раввин Мендель Шнеерсон». Одесса, издательство книгопродавца Аврама Ривкина, типография Р. Гелертера. 1891 г. Бумага, ксилография. 18,3 x 14,2. Иврит, русский язык. Портрет раби Менахема Мендла Шнеерсона (1789–1866), известного как Цемах Цедек из Любавичей (из коллекции Музея истории евреев в России)

р. Шмуэль, вкладывал деньги в недвижимость и в биржи разных стран. Двое из его сыновей в 1880-е инвестировали в торговлю лесом, которая как раз тогда приобрела размах в регионе, где был влиятелен Хабад. В этой же сфере в начале XX века вел дела и сын р. Шалома Дов-Бера, р. Йосеф Ицхак [Дембовецкий 1882, 714] (о р. Йосефе Ицхак см. [Glitsenstein 1976, 219–220]).

Мощь и влияние двора в значительной степени зависели от способности цадика сохранять единство движения и удерживать руководство им в своих руках. С этой точки зрения особенно важны были личные качества цадика: его умение улаживать внутренние конфликты и предотвращать появление центробежных сил, которые подпитывались интересами местных хасидских элит

и общими процессами модернизации. Пока во главе движения находилась сильная авторитетная личность (такая, например, как р. Менахем Мендель), хасидское общество в регионах отличалось единством и сплоченностью. Однако со смертью цадика (в 1866 году) во дворе началась ожесточенная борьба за его наследство.

В таком авторитарном движении, как хасидизм, где харизма руководителя играет ключевую роль в общественной жизни, передача власти естественным образом сопровождается потрясениями и кризисом. Хабад пережил такой тяжелый кризис после смерти своего основателя, это был конфликт между двумя потенциальными наследниками: его сыном и его учеником. В XIX веке почти во всех хасидских дворах закрепился принцип передачи власти по наследству, что отвечало потребностям членов семьи цадика, приближенной ко двору элиты и хасидских масс и гарантировало высокую степень преемственности в системе управления движением. Однако в случае Хабада процесс наследования руководства оказался осложнен целым рядом факторов. Как уже отмечалось, во время правления р. Менахема Менделя был создан многоуровневый механизм централизованного руководства движением. На его верхней ступени стояли пятеро сыновей цадика, они были вовлечены в деятельность двора, участвовали во всех его ритуалах и наряду с отцом принимали паломников⁶. Этот механизм наделял всех сыновей одинаковым статусом при дворе отца – таким образом был затруднен выбор одного из них в качестве единственного полномочного наследника. Сам р. Менахем Мендель не назначил себе преемника и в последние годы жизни поощрял всех сыновей к деятельному участию в управлении двором. Видимо, он планировал установить особую – коллегиальную – административную модель, при которой руководство движением будет осуществляться всеми его сыновьями на паритетных началах. Однако этим планам не суждено было сбыться. Еще при жизни цадика разгорелся острый конфликт между наиболее влиятельным и талантливым сыном Иехудой Лейбом, который, с точки зрения большинства хасидов, обладал

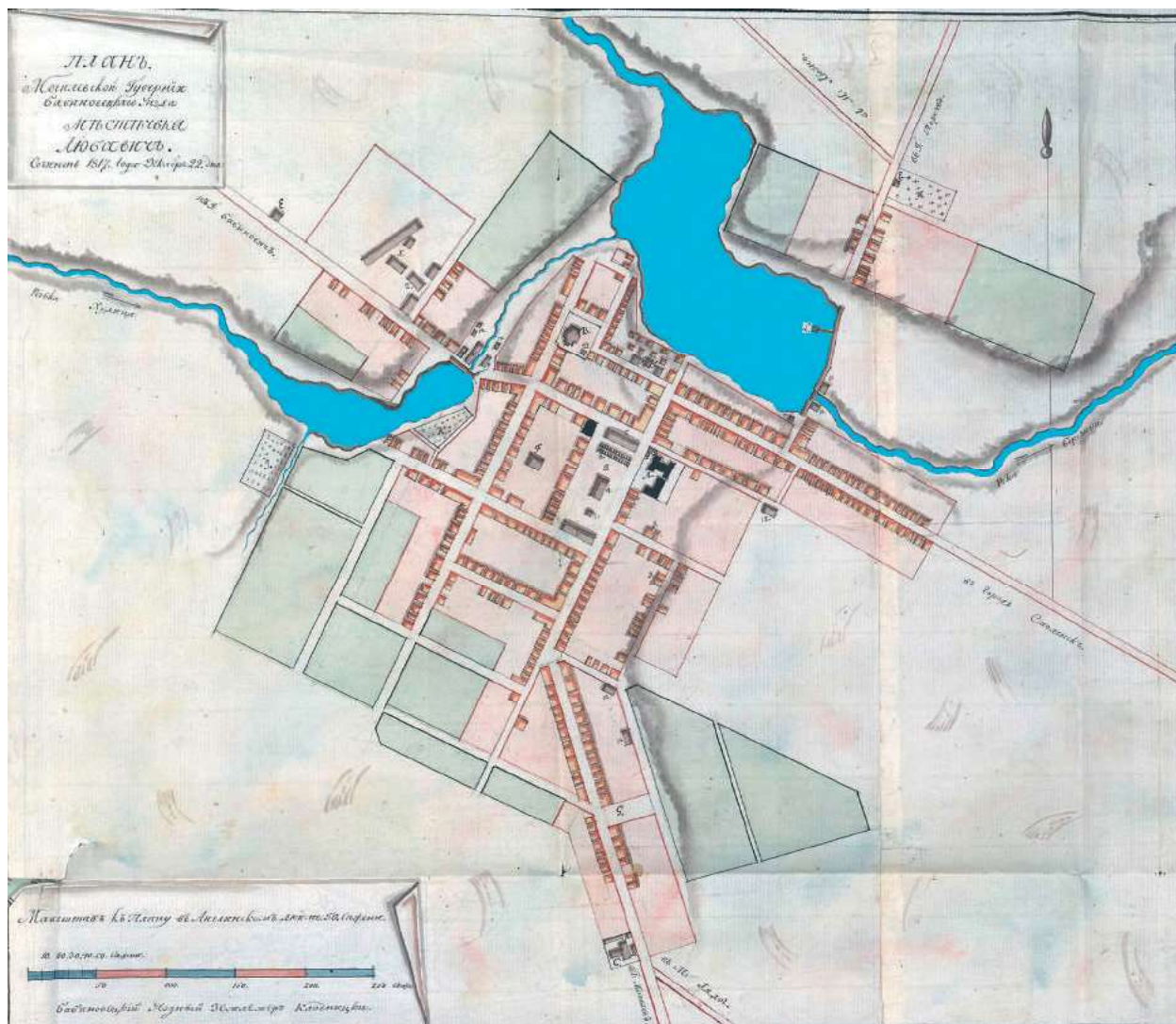
преимущественным правом на наследство, и его младшим братом Шмуэлем, который стал участвовать в управлении двором только в последние годы жизни отца. Возможно, этот конфликт стал следствием попытки Иехуды Лейба закрепить за собой особый статус при дворе за счет братьев, и в первую очередь – за счет Шмуэля. Так или иначе, р. Менахем Мендель встал на сторону своего младшего сына, пытаясь тем самым отстоять модель коллективного управления, и отстранил от власти Иехуду Лейба. Вскоре после кончины цадика конфликт возобновился с новой силой и привел к окончательному расколу Хабада. Сыновья р. Менахема Менделя разъехались по разным местечкам региона и основали там свои собственные центры: р. Иехуда Лейб (1808–1866) поселился в Копыси, р. Хаим Шнеур-Залман (1814–1880) – в Лядах, р. Исраэль Ноах (1816–1883) – в Нежине. Двор в Любавичах достался р. Шмуэлю (1834–1882), а р. Борух (1801–1869) до конца своих дней странствовал по общинам и зарабатывал на пропитание пожертвованиями «сыну цадика» и народной медициной⁷.

Основание нескольких дворов сыновьями р. Менахема Менделя поставило хасидов перед необходимостью выбора: им пришлось решать, к какому из течений Хабада примкнуть. Естественно предположить, что на выбор влияли разные факторы: принадлежность в прежние годы к кругам, приближенным к тому или иному сыну (такие круги возникали в результате деятельности сыновей цадика «на местах»), влияние местной элиты, географическая близость к новым дворам. В отсутствие статистических данных невозможно дать картографию этого раскола, однако известно, что он не только отделил общины друг от друга, но в ряде случаев прошел и внутри общин [Lurie 2006, 109].

Тем не менее хасиды были убеждены в том, что каждый из сыновей р. Менахема Менделя обладал своей харизматической силой, и принадлежность к пастве одного из наследников не отменяла воз-

⁶ Шестой сын, р. Йосеф Ицхак, оставил двор и получил пост раввина в Овруче (Вольны) [Lurie 2006, 22–23].

⁷ Ход событий в Любавичах после смерти р. Менахема описан у Хейлмана [Heilmann 1903, 26]. См. также [Rabinovich 1889, 168; Chernovits 1954, 105]. О «завещании» Менахема Менделя и о конфликте вокруг его наследства см. [Lurie 2006, 94–104].

План местечка Любавичи 1817 г.

возможности обратиться при случае за помощью, советом или благословением и к другому. Более того, разделение хасидов между дворами не было полным или окончательным. Очевидно, что существовало своего рода иерархическое распределение отпрысков династии Шнеерсонов по святости – в зависимости от генеалогической близости к р. Менахему Менделю. Разумеется, оно не выражалось эксплицитно и даже вряд ли осознавалось, однако присутствовало в сознании многих хасидов. Поэтому после смерти одного из сыновей р. Менахема Менделя его хасиды не

всегда становились автоматически адептами его наследника, как это было принято в устойчивых хасидских общинах. Часть хасидов переходила ко двору одного из братьев умершего (см., например: [Heilmann 1903, 38, 39])⁸. Такое перемещение хаси-

⁸ Отметим в этой связи описание Хейлманом кончины р. Исраэля-Ноаха, сына р. Менахема Менделя: «И эта весть распространилась по всем поселениям [Хабада], и весьма велик был плач о нем, ибо был он последним из сыновей нашего Ребе, да упокоится душа его в раю» [Heilmann 1903, 29].

Базарная площадь в Любавичах (из коллекции МАЭ РАН (Кунсткамера), фотография И.М. Пульнера, 1930 г.)

дов от одного двора к другому прекратилось только при втором или третьем поколении потомков р. Менахема Менделя.

Новые династии набирали силу и влияние, но еще в начале 1910-х годов можно было встретить видных хасидов, которые, обладая вполне устойчивым статусом в своих общинах, тем не менее посещали и «чужие» дворы [Рабаш 2001, 26, 68]. Без сомнения, это ослабило влияние Хабада. После кончины р. Менахема Менделя движение вступило в период длительного застоя и так и не смогло вернуть себе прежнее влияние на еврейское общество. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания просветителей, которые следили за происходившим в хасидском обществе. В 1875 году Пейсах Рудерман описал положение Хабада следующим образом:

Р. Менахем Мендл был последним из цади́ков Хабада <...> я не забыл про его потомков, которые еще будут жить – и принесут еще немало вреда. Но их жизнь и деяния не идут ни в какое сравнение с жизнью и деяниями их отца. По сравнению с ним они как мертвые, их как будто и нет вовсе. Они будут еще жить только за счет того, что осталось после их отца, однако внести что-либо новое, оживить – не в их силах. Их будут почитать лишь как сыновей своего отца [Ruderman 1876, 104].

Это предсказание не осуществилось. Двор в Нежине действительно недолго просуществовал после кончины р. Исраэля Ноаха в 1883 году, однако династии в Копыси, Лядах и Любавичах оказались вполне устойчивыми. Наиболее сильной была копысская династия, даже несмотря на то, что ее основатель, р. Иехуда Лейб, умер в первый же год после разделения сфер влияния между братьями (1866). Ему наследовал старший сын, Шломо Залман, а еще через несколько лет его братья основали собственные дворы: р. Шалом Дов-Бер – в Речице (1880), а р. Шмарья Ноах – в Бобруйске (1890), где служил хасидским раввином еще в 1870-е (см. [Slonim 1946, 79–82; Каганович 2007, 172–173; Slutski 1967, 276, 277]). В 1880-е годы наиболее влиятельным и авторитетным лидером Хабада считался Шломо Залман из Копыси. Он скончался в 1900 году, и ему наследовал его брат р. Шмарья Ноах из Бобруйска (1842–1923), который также был влиятельным и активным общественным деятелем.

Судьба династии из Ляд оказалась иной: она не была особенно заметной и влиятельной. И хотя двор в Лядах действовал, видимо, до конца дней р. Ицхака Дов-Бера (ум. в 1910 году), сына р. Хаима Шнеура-Залмана (ум. в 1890 году), – силой и влиянием он практически не обладал и на общественной арене шел в фарватере копысского двора. В целом можно сказать, что в третьем поколении потомков р. Менахема Менделя обозначилась тенденция к ослаблению династий Копыси и Ляд. Сыновья цади́ков из Речицы и Ляд уже не держали хасидских дворов, хотя и были раввинами в хасидских общинах⁹. Очевидно, что это явление было органичной частью развития хасидизма в начале XX века. Процессы формирования новых династий цади́ков и географического рассредоточения дворов, которые характеризовали распространение хасидизма в предшествующую эпоху, исчерпали себя. Локализация власти цади́ков, ее сокращение до пределов общины едва

⁹ Р. Шнеур-Залман, сын р. Дов-Бера из Речицы, был раввином в Репке, Стародубе и Гомеле. Другой сын цади́ка, Хаим Ишайяху – в Паричах и Ромнах, а Иехуда Лейб, сын р. Ицхака Дов-Бера из Ляд, был раввином в Гомеле и Витебске [Slonim 1946, 104–105; S.D. 1986, 407].

не привели к исчезновению харизматических лидеров и возвращению к традиционным моделям местного управления. Тяжелые условия жизни еврейских масс в местечках черты оседлости в конце XIX века и массовый отход от традиции затрудняли регулярный сбор пожертвований, без которого невозможно было существование сильного двора. Несмотря на это, принадлежность к «святому семени» все еще считалась важным фактором для выбора раввина: местные хасиды были склонны отдавать предпочтение именно потомкам цадииков.

На фоне постепенного упадка династий из Ляд и Копыси впечатляюще выглядит рост влияния двора в Любавичах. Современная историография Хабада, у истоков которой стояли авторы, принадлежавшие именно к любавичскому двору, представляет деятельность двора в Любавичах при р. Шмуэле – младшем сыне р. Менахема Менделя – как непосредственное продолжение деятельности двора при его отце. Эта гармоничная картина отвечает претензиям глав любавичской ветви на главенство во всем Хабаде, однако она далека от действительности. Раскол Хабада после смерти р. Менахема Менделя резко снизил престиж двора в Любавичах. Хасиды, пользовавшиеся наиболее высоким положением в общей иерархии движения, – посланники покойного цадика, раввины и наставники из больших общин, представители ученой элиты – примкнули ко двору в Копыси [Heilmann 1903, 19–21]. Под влиянием Любавичей остались преимущественно общины Могилевской губернии и Новороссии. Сохранению статуса любавичского двора способствовала историческая память о Любавичах как центре движения при предшествующих поколениях, а также тот факт, что на кладбище этого местечка находилась могила р. Менахема Менделя, которая стала важным местом паломничества хасидов.

О высоком престиже р. Шмуэля в Могилевской губернии свидетельствовал тогдашний губернатор А.С. Дембовецкий:

...Шмуила Шнеерсон, принадлежит к потомственным гражданам и состоит купцом 1-й гильдии. Он сын умершего весьма прославленного цадика Менделя Шнеерсона и пользуется большим по-

четом и значительными доходами, хотя в меньшей степени, чем его отец, на могилу которого, как особенно святого, и теперь приходят паломники – молиться. Шмуила Шнеерсон не ходит постоянно под белым покрывалом, как это делал его отец, наружностью не походит на глубокого мистика, держит карету прекрасных лошадей, имеет погреб с отличными старыми винами и вообще живет очень хорошо. Он ежегодно ездит за границу лечиться от чрезмерной полноты (что ему ставится прозелитами в упрек), владеет крупным капиталом и ведет, исключительно для себя, биржевые обороты в Петербурге, Москве, Париже и Амстердаме. В Любавичах у него собственный дом с обширными пристройками, занимающими отдельный квартал, в доме помещается библиотека еврейских кабалистических и талмудистических книг, состоящая более чем из 2000 томов, и находится отдельная молитвенная школа. Кроме того, у него большой каменный дом в г. Витебск. Цадик, живущий в Копыси (Залмен) <...> почитается весьма ученым в талмудизме, но в пророческой своей профессии не пользуется широкой известностью [Дембовецкий 1882, 713–714].

Очевидно, ситуация ухудшилась в последние годы жизни р. Шмуэля, когда он тяжело болел и был вынужден надолго оставлять местечко для лечения. После его смерти (в 1882 году) любавичский двор остался без лидера и больше не мог соперничать со старым двором р. Залмана в Копыси. Даже важнейшая сфера надобщинной деятельности руководства Хабада – поддержка еврейских общин в Палестине, которая при р. Менахеме Менделе была хорошо отлажена, – перешла к цадиикам из Копыси и Ляд [Lurie 2009, 105–109].

Сыновья р. Шмуэля не торопились брать на себя бремя управления двором, который разваливался на глазах: двое из них – старший сын Залман Аарон (1858–1908) и младший сын Менахем Мендель (1867–1942) – пошли против желания отца и предпочли вкладывать деньги в промышленность и торговлю лесом, которая в то время была бурно развивающейся отраслью и сулила гарантированную прибыль [Glitsenstein 1976, 41; Berlin 2009, 269]. Средний сын – Шалом Дов-Бер (1860–1920) – не мог возглавить общину, поскольку постоянно болел и был вынужден надолго

Охель Шнеерсонов на кладбище в Любавичах: могилы р. Менахема Менделя (слева) и р. Шмуэля (2015 г., фото из архива экспедиции Центра «Сэфер»)

уезжать на лечение и на курорты в России и за рубежом. Состояние его здоровья было настолько нестабильным, что уже в 1888 году, в возрасте всего 28 лет, он написал свое первое завещание (приведено в кн. [Glitsenstein 1972, 476–477]). Надежды многих хасидов, по всей видимости, связывались со старшим сыном р. Шмуэля: он представлялся законным наследником отцовского престола. Об особом статусе Залмана Аарона в хасидском обществе свидетельствует тот факт, что в 1894 году он был выдвинут в качестве делегата от общин Витебской губернии на заседание раввинской комиссии, которая собиралась под эгидой правительства [LVIA. Ф. 567, оп. 26, д. 612]¹⁰. Однако надежды хасидов не совпадали с планами самого р. Залмана Аарона: он не только не захотел руководить хасидской общиной и обратился к предпринимательской деятельности, но и усвоил некоторые весьма продвинутые элементы буржуазного образа жизни. Витебский общественный деятель и активист палестинофильского движения Шимон Великовский, который был знаком с Залманом Аароном в 1890-х годах, писал о нем в мемуарах следующее:

Р. Залман был не чужд просвещения. После смерти р. Шмуэля внимание хасидов было устремлено прежде всего к нему, они провозгласили его своим ребе. Он недолго пользовался этим званием, после чего отдалился от хасидизма. Он стал носить короткие одежды, стал европейцем – но сердце его оставалось еврейским, как и раньше [Velikovski 1957, 140].

Слова Великовского не стоит воспринимать буквально. О просветительских устремлениях р. Залмана Аарона нам ничего неизвестно, но мы знаем, что он не отмежевался от хасидизма: в последующие годы он сохранял тесные связи с двором в Любавичах и со своим братом, ставшим цади́ком, и даже участвовал вместе с ним в церемониях двора [Динур 2008, 156]. Видимо, он прошел путь довольно интенсивной аккультурации, что изменило его поведение. Члены семьи считали его гедонистом и женолюбом, что также

¹⁰ В конечном итоге его кандидатура не была утверждена властями.

может свидетельствовать о его интеграции в городское буржуазное общество¹¹.

Особого внимания заслуживает свидетельство о том, что р. Залман Аарон оставил руководство двором после того, как в течение определенного периода (по некоторым данным – около полугода) был цади́ком и выполнял все функции главы хасидского двора [Volfson 1957, 302]. Причиной столь драматичного решения стало то, что его тяготила необходимость принимать у себя хасидов и решать их материальные проблемы. Сионистский деятель из Витебска Исраэль Вольфсон, который знал р. Залмана Аарона лично, приводит его слова о страданиях, с которыми было связано для него пребывание на «престоле» [Volfson 1957, 302–303]. В отличие от Вольфсона, Хар-Шефер – уроженец Любавичей, который застал еще р. Шмуэля, – писал, что Залман-Аарон «обеими руками отверг предложение занять место отца, а после кончины отца не принимал записок и не соглашался давать никому благословение цади́ка» [Har-Shefer 1957, 93]. В этих свидетельствах, противоречащих друг другу, можно увидеть отражение той неустойчивости, которая царила в Любавичах после смерти р. Шмуэля и привела к ощущению хаоса и неопределенности среди хасидов, искавших себе наставника.

История хасидизма знает лишь несколько случаев, когда наследник добровольно отказывался от должности цади́ка, и колебания р. Залмана Аарона свидетельствуют об институциональном кризисе хасидизма и о проникновении новых идей и представлений в самые элитарные круги хасидского общества¹². Об отходе р. Залмана Аарона от хасидского мира имеется и внешнее свидетельство. В 1893 году, накануне заседания раввинской комиссии в Петербурге, из Министерства просвещения поступило распоряжение собрать информацию о кандидатах, отобранных общинами для участия в комиссии. Среди других имен

¹¹ Редкое свидетельство, принадлежащее р. Шалому Дов-Беру, который описывал своего брата во время беседы с психоаналитиком Вильгельмом Штекелем в Вене (1903), приведено в [Balakirsky-Katz 2010, 4].

¹² Другой, еще более драматичный, случай «дезертирства» цади́ка произошел в ружинской династии в 1869 году. См. об этом исчерпывающую работу [Asaf 2012].

фигурировало и имя р. Залмана Аарона. В особом рапорте директора народных училищ Витебской губернии о нем говорилось следующее:

Арон-Залман Шнеерсон – сын покойного любавичского духовного раввина, пользовавшегося, в качестве цадика, большим авторитетом у еврейской секты хасидов. Воспитан в духе хасидизма, хотя и не проникнут крайними консервативными стремлениями, так что с этой точки зрения еврей-хасиды называют его уже неверующим. Сведущ в еврейском религиозном законе и в еврейской литературе. По смерти его отца, хасиды предлагали ему занять место духовного раввина-цадика, но он отказался, предпочитая заниматься коммерческой деятельностью. По духовному своему складу определяется как «человек коммерческий», следовательно, человек расчета, которому подчинены все его действия [LVIA. Ф. 567, оп. 26, д. 612].

Несмотря на то, что р. Залман Аарон оставил должность цадика и занялся торговлей, он продолжил вести себя как глава семьи: все наследство отца, которым распоряжались дети и вдова покойного, р. Залман Аарон вложил в развитие мыловаренной промышленности в местечке, а потерпев крах, стал вместе с младшим братом Менахемом Менделем заниматься лесоторговлей и деревообрабатывающей промышленностью [Volfson 1957, 303–304].

Дела сыновей цадика шли не лучшим образом, а поездки Шалом Дов-Бера по врачам требовали немалых расходов. В результате в конце 1880-х – в начале 1890-х годов финансовое положение семьи ухудшилось [S.D. 1986, 27]¹³. Шалом Дов-Бер был вынужден отказаться от поездок за границу, и в 1890–1893 годах безвыездно жил в Любавичах [Glitsenstein 1976, 84]. Возможно, что именно эти два фактора – продолжительное присутствие Шалом Дов-Бера дома и обеднение семьи – заставили его принять решение взять на себя ответственность за деятельность двора: согласно хасидскому источнику, с 1894 года он начал ис-

полнять все обязанности цадика – принимать хасидов, регулярно произносить проповеди («слова Бога живого»), брать пожертвования и т.д. Кроме того, в синагоге при дворе (так называемом малом зале) он стал молиться на месте, где ранее молился его отец. Видимо, этот шаг окончательно укрепил хасидов во мнении, что передача руководства от отца к сыну завершилась [Glitsenstein 1972, 34].

Разумеется, за принятием «бремени власти» Шаломом Дов-Бером стояли не только экономические причины: очевидно, что он изначально склонялся к хасидскому образу жизни куда больше, чем его старший брат. Об этом свидетельствуют не только хасидские источники [Glitsenstein 1972, 97], но и воспоминания современников [Har-Shefer 1957, 93]. Кроме того, он взял на себя (по согласованию с р. Залманом Аароном) осуществление контактов между двором и общиной Хабада в Палестине, а уже в конце 1880-х годов вел переписку с лидерами любавичских общин по различным общественным и личным вопросам [S.D. 1986, vol. 1, 5, 7–9, 13–14, 104–105, 145–146; vol. 3, 7–8, 20–22]. Все это указывает на то, что р. Шалом Дов-Бер стал активно участвовать в управлении делами движения еще до того, как он был официально провозглашен наследником.

К сожалению, у нас нет никаких данных о процессе восстановления влияния любавичского двора и об усилении его связей с общинами. Насколько можно судить по письмам р. Шалом Дов-Бера, в 1890-е влияние обновленного двора было особенно сильным в Новороссии и Украине (в Полтаве, Хороле, Кременчуге, Николаеве, Харькове, в сельскохозяйственных поселениях Херсонщины), население которых было лояльно Любавичам еще при р. Шмуэле. Логично предположить, что возобновление деятельности двора привлекло к нему паломников из местечек Белоруссии, в которых влияние Любавичей было ощутимо и ранее. Связь между общинами и двором по-прежнему поддерживалась благодаря деятельности посланников цадика и местных раввинов. В управлении же двором произошло одно важное с экономической точки зрения изменение. Р. Шалом Дов-Бер, очевидно, понимал, что доходов от периферийных общин и паломников недостаточно, и постарался сделать основой экономики

¹³ В 1891 году семья все еще испытывала финансовые затруднения и не смогла выслать денежную помощь своим близким, живущим в Палестине.

Охель Шнеерсонов на кладбище в Любавичах (2015 г., фото из архива экспедиции Центра «Сэфер»)

двора другой источник дохода – поддержку состоятельных коммерсантов-хасидов, из которых наиболее заметными были купцы первой гильдии и промышленники Шая (Исайя) Берлин из Риги, Менахем Монес Монесзон и Шмуэль Трайнин из Петербурга и Шмуэль Гулари из Кременчуга (о степени участия экономической элиты в деятельности любавичского двора и о проникновении в жизнь двора буржуазного уклада см. [Лурье 2010]). Поддержка со стороны этих людей и других представителей экономической элиты стала основой общественной деятельности обновленного любавичского двора.

В общественной деятельности первым нововведением р. Шалома Дов-Бера, возымевшим важные последствия, стало основание хасидской

иешивы при дворе цадика. Иешива получила название «Томхей тмимим» («Поддерживающие праведных»). Осенью 1897 года р. Шалом Дов-Бер отобрал среди своих последователей восемнадцать молодых людей и отправил их в город Зембин Минской губернии, где было создано первое отделение иешивы. Через год открылось отделение иешивы в самих Любавичах, и в течение нескольких лет после этого были открыты ее филиалы и в других местечках Белоруссии. Все отделения действовали как филиалы одного учреждения, управляемого из Любавичей. В начале XX века количество молодых людей, учившихся в иешиве, превысило 200 человек и продолжало расти. Деятельностью иешивы в целом руководил сын р. Шалома Дов-Бера, р. Йосеф Ицхак, а для

управления филиалами цадик назначал людей из старых хасидских семей, верных двору. Естественным образом иешива при дворе стала головной организацией, она была тесно связана с периферийными иешивами, и сам цадик участвовал в управлении всей этой образовательной системой: в приеме учеников, в составлении учебной программы, в выборе преподавателей и т.д.

При основании иешивы р. Шалом Дов-Бер поставил перед ней далекоидущие общественные и идеологические цели, которые определили ключевую позицию этого института в общем контексте социальной и религиозной деятельности двора. Иешива «Томхей тмимим» должна была не только реформировать и укрепить всю систему хасидского образования, но и способствовать преодолению внутреннего кризиса хасидского движения, вызванного процессами модернизации в среде российского еврейства. Речь шла о создании руководящей элиты нового типа, основывающейся на изначальных традициях Хабада. Осуществление этих целей было непростым, и не только из-за влияния модернизации, но и из-за конкуренции с литовскими (миснагедскими) иешивами, игравшими ведущую роль в воспитании подрастающего поколения в традиционном еврейском обществе.

В сущности р. Шалом Дов-Бер бросил вызов целой общественной страте – традиционной еврейской ученой элите. Устоявшемуся элитарному идеалу таалмудической учености, пестуемому в стенах литовских иешив, он противопоставил новую концепцию деятельного вмешательства в формирование внутреннего мира молодого поколения¹⁴.

План цадика состоял в том, чтобы новая иешива стала своего рода теплицей для новой общественной элиты – группы избранных молодых людей. Стены иешивы защищали бы их от опасных идейных веяний, а со временем они смогли бы оказать влияние на свое окружение и остановить

секуляризацию и нравственный упадок еврейского общества. Таким образом, цели, которые двор цадика ставил перед иешивой, не ограничивались рамками движения: «Томхей тмимим» должна была изменить весь еврейский мир.

Чтобы осуществить эту общественную программу, р. Шалом Дов-Бер выработал особый педагогический подход. Иешива была закрытым учреждением. Во-первых, цадик старался свести к минимуму контакты между учениками и внешним миром и даже запрещал им проводить каникулы с семьей. Во-вторых, руководители иешивы пристально следили за повседневной жизнью своих подопечных, стремились контролировать их мысли и настроения и старались не оставлять их одних ни в учебе, ни в молитве, ни в частной жизни. Столь суровый наздор противоречил традиционному идеалу: в миснагедских иешивах и домах учения была принята самостоятельная учеба.

Выпускники иешивы, личность и взгляды которых формировались в процессе обучения, возвращались в свои общины как посланники двора, даже если они не были назначены таковыми официально. И двор, и хасиды видели в выпускниках иешивы важный канал сохранения и распространения наследия Хабада. И хотя иешива «Томхей тмимим» не преследовала цели подготовки раввинов или других служителей культа, назначения на эти должности в общинах Хабада нередко производились при участии двора, и таким образом выпускники иешивы, стремящиеся занять общинные должности, могли рассчитывать на протекцию в самых верхах движения. Иногда посланниками двора становились (и имели определенное влияние) даже те ученики, которые еще не закончили обучение.

Такая деятельность учащихся и выпускников «Томхей тмимим» делала все более тесными связи между двором и общинами и укрепляла статус р. Шалом Дов-Бера как руководителя движения Хабад. В отличие от традиционной хасидской элиты – «хасидских старцев», авторитет которых зиждился на их близости к покойным цадикам или дворам Хабада, конкурировавшим с Любавичами, выпускники иешивы были всем обязаны лично р. Шалому Дов-Беру, и их преданность ему была безграничной. Иешива, в которой изучали сочинения лидеров Хабада различных поколений именно в любавичском изводе и в тесной связи с

¹⁴ Новые педагогические и социальные идеалы, сформулированные р. Шаломом Дов-Бером в его обращении к хасидам в 1897 году, представлены в официальной хронике иешивы, составленной в начале XX века [Rozenblum 1987, 33]. Подробный анализ устройства и функционирования иешивы см. [Lurie 2009; Левиков 2008].

проповедями р. Шалома Дов-Бера, стала важным средством в борьбе с главами других течений Хабада за наследие отцов-основателей движения.

Таким образом, иешива являлась ведущим фактором в консолидации Хабада вокруг Любавичей, она укрепляла позиции любавичского двора внутри движения и позволяла ему противостоять новым вызовам эпохи: установлению гегемонии миснагедской элиты в еврейских ортодоксальных кругах и усилению процессов модернизации еврейского общества в целом.

Бескомпромиссная позиция р. Шалома Дов-Бера и его успех в мобилизации под своими знаменами выдающихся представителей еврейских традиционных кругов способствовали формированию еврейской ультраортодоксии в России. Именно ультраортодоксальное лобби, пестуемое любавичским цади́ком, было ответственно за проведение целого ряда общественных инициатив, направленных на сдерживание либеральных и прогрессистских тенденций на еврейской улице. Среди этих инициатив – отказ от модернизации раввината, борьба с сионистским движением, противостояние просветительским новациям в образовании, создание сети консервативных общинных организаций «Махзикей ха-дат» («Укрепляющие веру») и др. (см. [Alfasi 1986, 76–79; Salmon 1990, 272–274; Lurie 2009, 246–253], а также источники, упомянутые в этих исследованиях).

Размах общественной и политической деятельности, которая велась любавичским двором в начале XX века по всей черте оседлости и даже далеко за ее пределами, поражает воображение. Однако не менее поразительным представляется отсутствие практических результатов этой деятельности. Почти все инициативы р. Шалома Дов-Бера, кроме создания иешивы «Томхей тмимим», несмотря на свой широкий охват, амбициозность и оригинальность, так и не были осуществлены. Когда в 1914 году на территорию России вторглась немецкая армия, казалось, можно было услышать скрип колес истории, вращающихся вспять. Снова, как и сто лет назад, на заре истории Хабада, границы империи пересекла чужая армия, несущая на своих штыках цивилизацию Запада. Снова, как и ста годами ранее, цадик встал на сторону царя и однозначно осудил врага – на этот раз не французского императора, а германского кайзера,

которого р. Шалом Дов-Бер даже назвал Амалекком [Jacobson 1996, 51]. И вновь цадик – в последний раз в жизни – покидает родной город, чтобы уже не вернуться в него. Первая мировая война и последовавшие за ней революции положили конец деятельности р. Шалома Дов-Бера прежде, чем эта деятельность успела принести плоды. Любавичский период в истории Хабада завершился.

В 1920 году р. Шалом Дов-Бер скончался в Ростове-на-Дону, далеко от главных еврейских общин, оторванный от своих хасидов, – и казалось, что движению и всем его институтам пришел конец. Однако новая идеологическая и организационная база, на которую он успел перевести Хабад, позволила его наследнику, р. Йосефу Ицхаку, не только вернуть любавичский хасидизм к жизни, но и превратить его в ведущую силу в современном ортодоксальном иудаизме.

Перевод с иврита Александры Полян

Источники

- ВГВ 1867 – [Б.а.] Цади́ки на Вольни // Вольнские губернские ведомости. 1867. № 82. С. 317.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 542. Оп. 1. Д. 175, л. 19.
 Дембовецкий 1882 – *Дембовецкий А.* Опыт описания Могилевской губернии. Могилев, 1882. Т. 1.
 Динур 2008 – *Динур Б.* Мир, которого не стало, воспоминания и впечатления (1884–1914). М.; Иерусалим, 2008.
 Dov-Ber 1980 – *Dov-Ber.* Igrot qodesh me-et Admor ha-zaqen, Admor ha-emptzai, Admor ha-Tzemakh Tzedek. N.Y., 1980.
 Bernstein 1876 – *Bernstein I.* Binyan zkenim u-stirat yeladim // ha-Shahar. 1876. № 7. P. 697. (иврит)
 Chernovits 1954 – *Chernovits H.* Pirkey Haiym. N.Y., 1954. (иврит)
 Dov-Ber 1982 – Yagdil Tora. 1982. № 6. P. 273–274.
 Dov-Ber 1986 – Yagdil Tora. 1986. № 10. P. 187–189.
 Heilmann 1903 – *Heilmann H.M.* Beit Rabi. Berdichev, 1903. Vol. 1–3.
 Katsnelson 1947 – *Katsnelson Y.L.* Ma she-rau eynay ve-shamu oznay: zikhronot mi-yemei hayay. Jerusalem, 1947. (иврит)

- LVIA – Государственный исторический архив Литвы. Ф. 567, оп. 26, д. 612, лл. 11–12.
- Rabinovich 1889 – *Rabinovich A.Z.* Toldot mishpahat Shneerson // ha-Asif. 1889. № 5. (иврит)
- Ruderman 1876 – *Ruderman P.* Hashqafa klalit al ha-zadikim ve-al ha-hasidim // ha-Shahar. 1876. № 6. p. 86–104. (иврит)
- Sagiv 1914 – *Sagiv G.* Ha-shoshelet: Bet Chernobil u-mekomo ba-toldot ha-hasidut. Jerusalem, 1914. P. 91–94. (иврит)
- S.D. 1986 – *S.D.* Igrot qodesh me-et Moharshab. N.Y., 1986–1987. Vol. 1–3. (иврит)
- Slonim 1946 – *Slonim M.S.* Toldot mishpahat harav mi-Lyady. Tel-Aviv, 1946. (иврит)
- Slutski 1967 – *Sefer Bobruisk* / Ed. Y. Slutski Tel-Aviv, 1967. Vol. 1. (иврит)
- Velikovski 1957 – *Velikovski S.* Zikhronot // *Sefer Vitebsk*. Tel-Aviv, 1957. P. 137–140. (иврит)
- Volfson 1957 – *Volfson I.* Megilat Vitebsk // *Sefer Vitebsk*. Tel-Aviv, 1957. P. 253–430. (иврит)
- Rabash 2001 – *Reshimot ha-rabash*. N.Y., 2001. (иврит)
- Литература**
- Каганович 2007 – *Каганович А.* Речица: история еврейского местечка юго-восточной Белоруссии. Иерусалим, 2007.
- Левиков 2008 – *Левиков И.* «Войско Давидово». Любавичская ешива «Томхей тмимим» на рубеже веков // *Лехаим*. 2008. № 5, 6.
- Левитац 2013 – *Левитац И.* Еврейская община в России (1772–1917). М., 2013.
- Лурье 2004 – *Лурье И.* Пастырь и паства: отношения между хасидским двором и общинами любавичских хасидов в 19 столетии // *Вестник Еврейского университета*. 2004. № 9. С. 51–68.
- Лурье 2010 – *Лурье И.* Ребе и богачи. О роли экономической элиты в хасидском движении // *Лехаим*. № 9. 2010. <https://lechaim.ru/ARHIV/194/levikov.htm>. Просмотрено 8 декабря 2017 г.
- Alfasi 1986 – *Alfasi Y.* Ha-hasidut ve-shivat Tsiyon. Tel Aviv, 1986. (иврит)
- Asaf 1997 – *Asaf D.* Derekh ha-malkut. Jerusalem, 1997. (иврит)
- Asaf 1998 – *Asaf D.* Money for Household Expenses: Economic Aspects of Hasidic Courts // *Scripta Hierosolymitana*. 1998. № 38. P. 14–50.
- Asaf 2012 – *Asaf D.* Hetsis ve-nifga, anatomiya shel mahloqet hasidit. Haifa, 2012. (иврит)
- Balakirsky-Katz 2010 – *Balakirsky-Katz M.* An Occupational Neurosis: A Psychoanalytic Case History of a Rabbi // *Association for Jewish Studies Review*. 2010. № 34, P. 1–31.
- Bartal 1995 – *Bartal I.* Lean halakh tsror ha-kesef? Ha-biqoret ha-maskilit al hebeteya ha-kalkaliim shel ha-hasidut // *Dat ve-kalkala* / Ed. M. Ben-Sasson. Jerusalem, 1995. P. 375–386. (иврит)
- Berlin 2009 – *Berlin M.* For the Benefit of my Son // *The Book of Isaiah*. Oxford, 2009. P. 263–314.
- Deinard 1920 – *Deinard E.* Zikhronot bat ami. New Orleans, 1920. P. 4–5.
- Elior 1980 – *Elior R.* Ha-mahloqet al moreshet Habad // *Tarbiz*. 1980. № 49. P. 166–186. (иврит)
- Etkes 2011 – *Etkes I.* Baal ha-Tanya: rabbi Shneur Zalman mi-Lyady ve-reshita shel hasidut habad. Jerusalem, 2011. (иврит)
- Glitsenstein 1972 – *Glitsenstein A.H.* Sefer ha-toldot: rabbi Shalom Dov-Ber Shneurson. N.Y., 1972. P. 476–477. (иврит)
- Glitsenstein 1976 – *Glitsenstein A. H.* Sefer ha-toldot: rabbi Yosef Yitshak Shneurson mi-Liubavitch. N.Y., 1976. Vol. 1–2. (иврит)
- Har-Shefer 1957 – *Har-Shefer.* Liubavich ir moshav admorei habad // *he-Avar*. 1957. № 2. С. 86–93. (иврит)
- Hundert 1992 – *Hundert G.* The Jews in a Polish Private Town: The Case of Opatow in the Eighteenth Century. Baltimore, 1992.
- Jacobson 1996 – *Jacobson I.* Zikhronot li-vnei Israel. N.Y., 1996. (иврит)
- Lurie 2006 – *Lurie I.* Eda u-medina: hasidut Habad be-imperiya ha-rusit. Jerusalem, 2006. (иврит)
- Lurie 2009 – *Lurie I.* Liubavich u-milhamoteya: дис. ... док. наук, Jerusalem: Еврейский университет в Иерусалиме, 2009. (иврит)
- Lurie 2009 – *Lurie I.* Hinukh ve-ideologiya: reshit darka shel ha-yeshiva ha-habadit // *Yashan mipnei hadash* / Ed. D. Assaf, A. Rappaport-Albert. Jerusalem, 2009. (иврит)
- Lurie, Zeltser 1997 – *Lurie I., Zeltser A.* Moses Berlin and the Lubavich Hasidim: A Landmark in the Conflict between Haskalah and Hasidism // *Shvut*. 1997. № 5. P. 32–64. (иврит)

- Mondshayn 2013 – *Mondshayn Y.* Ha-masa ha-aharon, Jerusalem, 2013. (иврит)
- Pedaya 1995 – *Pedaya H.* Le-hitpathuto shel ha-degem ha-hevrati-dati-kalkali ba-hasidut // *Dat ve-kalkala* / Ed. M. Ben-Sasson. Jerusalem, 1995. P. 311–375. (иврит)
- Rozenblum 1987 – *Rozenblum M.* Divrei yemey ha-tmimim // *Kerem Habad* / Ed. Y. Mondshayn. Vol. 3. Jerusalem, 1987. С. 11–75. (иврит)
- Salmon 1990 – *Salmon Y.* *Dat ve-tsiyonut, immutim rishonim.* Jerusalem, 1990. (иврит)
- Schwartz 2011 – *Schwartz D.* *Mahshevet Habad: mi-reshit ve-ad aharit.* Ramat-Gan, 2011. (иврит)
- Stampfer 1982 – *Stampfer S.* Ha-pushke ve-gilgluleya: qipot Erets-Israel ke-tofaa hevratit // *Kathesra.* 1982. № 21. P. 89–102. (иврит)
- Sumption 1975 – *Sumption J.* *Pilgrimage: An Image of Medieval Religion.* London, 1975.

Приложение

Мацева Ицхака Дов-Бера из местечка Ляды (из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого МАЭ РАН «Кунсткамера», фотография И.М. Пульнера, 1930 г.)

כתר תורה ארון הקודש	Венец Торы, ковчег Завета.
פנ	Здесь похоронен
הרב האלקי חסיד ועניו קדוש וטהור	божественный раввин, праведный и скромный, святой и чистый,
צדקת ה' עשה ומשפטיו עם ישראל	соблюдавший заповеди Всевышнего и его законы народа Израиля
רבים חשוב מעון אדמור מוה	отвративший многих от греха, наш господин, учитель и раввин, учитель наш
יצחק דובער נע' נבגמ' בהרב	Ицхак Дов-Бер, да пребудет его душа в раю, да будет душа его в небесном хранилище, сын раввина,
האלקי חסיד ועניו קדוש עליון וטהור	божественного, праведного и скромного, святого, возвышенного и чистого,
צדקת ה' עשה ומשפטיו עם ישראל	соблюдавшего заповеди Всевышнего и его законы народа Израиля,
רבים חשוב מעון אדמור מוה	отвратившего многих от греха, нашего господина, учителя и раввина, учителя нашего
חיים שניאור זלמן זצ"ל נבגמ'	Хаима Шнеура Залмана, да будет благословенна память праведника, да будет душа его в небесном хранилище,
נין ונכד הגאון האלקי אור עולם	потомок и внук гаона, божественного, светоча мира,
צדיק יסוד עולם אדמור מוה	праведника, столпа мира, нашего господина, учителя и раввина, учителя нашего
מנחם מענדל זצ"ל נבגמ' שבה	Менахема Мендла, да будет благословенна память праведника, да будет душа его в небесном хранилище. Вернулась
אל האלקי' נפשו בוים עיוט' האחרון	к Всевышнему его душа в канун праздника, последнего дня
של פסח שנת תרע פ"ק' לאדי	Песаха 670 года по малому исчислению [17 (30) апреля 1910]. Ляды.

Мацева Шнеура-Залмана из местечка Ляды (из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого МАЭ РАН «Кунсткамера», фотография И.М. Пульнера, 1930 г.)

כתר תורה	Венец Торы,
ארון הקודש	Ковчег Завета.
פנ	Здесь похоронен
הרב האלקי חסיד ועניו קדוש וטהור	божественный раввин, праведный и скромный, святой и чистый,
צדקת ה' עשה ומשפטיו עם ישראל	соблюдавший заповеди Всевышнего и его законы народа Израиля
ורבים חשיב מעון אדמור מוה חיים	отвративший многих от греха, наш господин, учитель и раввин, учитель наш Хаим
שניאור זלמן נע נבגמ' בהרב הגאון	Шнеур Залман, да пребудет его душа в раю, да будет душа его в небесном хранилище, сын раввина, гаона,
האלקי חסיד ועניו קדוש וטהור כתר	божественного, праведного и скромного, святого и чистого, венца
תורה צדקת ה' עשה ומשפטיו עם ישראל	Торы, соблюдавшего заповеди Всевышнего и его законы народа Израиля,
ורבים חשיב מעון אדמור מוה מנחם	отвратившего многих от греха, нашего господина, учителя и раввина, учителя нашего Менахема
מענדל זצל' נבגמ' בהרב הג' מוה שלום	Мендла, да будет благословенна память праведника, да будет душа его в небесном хранилище, сына раввина, гаона, учителя нашего Шалома
שכנא נע נכד אדמור הגאון האמיתי	Шахны, да пребудет его душа в раю, внука нашего господина, учителя и раввина, истинного гаона,
האלקי אור עולם קדוש ה מרנא ורבנא	божественного, светоча мира, нашего святого учителя и господина
שניאור זלמן זצל' נבגמ' חתן אדמור הרב	Шнеура Залмана, да будет благословенна память праведника, да будет душа его в небесном хранилище, зятя нашего господина, учителя и раввина,
האלקי חסיד ושיו [...] בחכמה מוה	божественного, праведного и скромного [нрзб] мудрости, учителя нашего
דובער נע נבגמ' נכסף אל קדשו ושבה	Дов-Бера, да пребудет его душа в раю, да будет душа его в небесном хранилище. Устремилась к святости и вернулась
אל האלקי נפשו ביום ו [...] ד טבת	к Всевышнему его душа в день [нрзб] 4 тевета
תרם לפק לאדי	640 по малому исчислению [7 (19) декабря 1879]. Ляды.

Расшифровка и перевод надписей Э. Зыскиной